

**Министерство образования Московской области
Государственное образовательное учреждение
высшего образования Московской области
Московский государственный областной университет
Институт экономики, управления и права**

БОИ НА БЗУРЕ И РАВКЕ (ноябрь 1914 – январь 1915 года)

**Перлюстрированные письма,
воспоминания,
фронтовые корреспонденции**

УДК 94(100) “1914/19” Печатается по решению Ученого совета
ББК 63.3(0)53-6 Института экономики, управления и права МГОУ
Б77

Составитель, автор предисловия, комментариев, перевода:

Н.Д. Постников – кандидат исторических наук,
доцент кафедры конституционного и муниципального права
Московского государственного областного университета

Рецензенты:

К.А. Пахалюк – ведущий специалист Научного отдела
Российского военно-исторического общества;

В.Л. Телицын – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный
специалист Института всеобщей истории Российской академии наук

Бои на Бзуре и Равке (ноябрь 1914 – январь 1915 года) :
Б77 Перлюстрированные письма, воспоминания, фронтовые
корреспонденции / сост., перевод, коммент. и предисловие
Н.Д. Постников. – М. : ИИУ МГОУ, 2018. – 240 с.
ISBN 978-5-7017-2880-4.

В данное издание включены русские и немецкие источники, рассказывающие о боях на варшавском направлении, происходивших в декабре 1914 – январе 1915 года, и о сражении за Гумин и Волю Шидловскую (январь 1915 года). Русские источники включают в себя выписки из перлюстрированных писем, воспоминания и дневниковые записи русских офицеров, хранящиеся в фондах Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), а также очерки военных корреспондентов; немецкие источники – дневники и воспоминания германских офицеров, впервые переведённые на русский язык.

Издание снабжено вступительной статьей, комментариями, приложениями. Рассчитано на специалистов и всех, интересующихся историей Первой мировой войны.

УДК 94(100) “1914/19”
ББК 63.3(0)53-6

ISBN 978-5-7017-2880-4

© Н.Д. Постников, составление, перевод,
комментарии, предисловие, 2018
© Оформление. ИИУ МГОУ, 2018

попрятаться, только наводчику сломало руку, а другого легко ранило в лицо. Если нас не прорвут, то, медленно осаживая нас, немцы к Варшаве подойдут ни с чем. Возможно, что последние бои будут на линии фортов Варшавы.

РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 561. Л. 369. Перлюстрация. Машинопись.

№6

Выписка из письма Б. Петрово-Соловово¹, действующая армия, от 8 декабря 1914 года, к Ея Превосходительству Елизавете Андреевне Петрово-Соловой². В Москву, Малознаменский, 3.

Сейчас мне сообщили, что на Бзуре взято 2 000 немцев, причём особенно отличился 7-ой Сибирский полк. Один пленный германский офицер даже будто бы сказал: «у вас не найдется такой награды, какую заслужил этот полк». Вообще Сибирцы дерутся великолепно, надо сказать, что в их рядах почти нет запасных, т[ак] к[ак] и в мирное время они содержались почти на военном положении. Это, конечно, влияет на их боевые качества. Дай Бог, чтобы это известие оказалось правдой; это важно не только потому, что это победа, но и потому, что указывает на известный упадок духа у германцев.

РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 561. Л. 373. Перлюстрация. Машинопись.

№7

Копия письма с подписью: «Николай», действующая армия, от 9 декабря 1914 года, к Нине Александровне Рейка, в Петроград.

Должен тебе сообщить печальную новость. Погиб весь полк. Только и спаслись мы и кто в обозе. Это произошло 6-го декабря, 2-й батальон погиб почти весь в огне, а из остальных батальонов те, кто остались в живых, попали в плен. Командир был при 7-ой роте, т[о] е[сть] во 2-ом

---

¹ С большой долей вероятности можно утверждать, что это перлюстрация письма Б.М. Петрово-Соловово. Об этой версии можно с уверенностью говорить, ибо автор письма Б. Петрово-Соловово, а адресат – его жена Е.А. Петрово-Соловово.

² Так написал фамилию военный цензор.

батальоне, и тоже, вероятно погиб¹, потому что из 2-го батальона в живых, вероятно, никого не осталось, или, может быть, кто случайно и попал в плен. Остальные все в плену. Вот уже второй день ищем, и никого из Духовщинцев² нигде найти нельзя. Даже нет никаких раненых, от которых можно было бы что-нибудь узнать. Все остались в огне и у немцев. Понимаешь ни души. Как в воду канул целый полк. Меня с моим персоналом тоже считали, в нашем штабе дивизии, попавшим в плен. Мы избежали этого только благодаря случайности: мы ночью при отступлении случайно потеряли связь с полком и нашли свою дивизию только через два дня. Врачи все в целости. Романов, адъютант, молодой подполковник Шульгин и Бессов живы и здоровы. Прямосудовой пока скажи, что, вероятно, все в плену.

...Примечание Э³. Подлинное письмо задержано.

Письма с фронта забытой войны. Предисл. и примеч. *Н.Д. Постников* // Политическое просвещение. 2013, №3(74). С. 138-139; *РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 561. Л. 374. Перлюстрация. Машинопись.*

№8

Выписка из письма с подписью: «ваш М.», Варшава, без обозначения числа, к Марии Никитишне⁴ Пузановой, в Кишинёв, Александровская, 47.

Сейчас вернулся из Сохачева. Там идут ещё до сих пор бои. Сохачев ещё наш, но весь разбит снарядами, горит. Немцы нажимают сильно. Наши понемногу отступают. Потери у нас большие, но к ним прибывают всё новые корпуса, а к нам пока что ...только⁵ ополченцы. Конечно, немцы будут разбиты и прогнаны, но когда? К сожалению наши сдаются в плен, положим, и их немало сдаётся. Так как мы отступаем понемногу или, как теперь говорят, «выравниваем фронт», то раненые почти все остаются немцам. Будем надеяться, что высшее начальство предпримет что-то хорошее, что держится в секрете и чего мы не знаем.

РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 561. Л. 377. Перлюстрация. Машинопись.

---

¹ Командиром полка в это время был полковник *И.П. Анисимов*.

² Духовщинцы – название солдат и офицеров 267-го пехотного Духовщинского полка.

³ Так в тексте.

⁴ Так в тексте.

⁵ Так в тексте.

№14

Выписка из письма Г. Шелля, без обозначения места, а по штемпелю Ново-Минск Варшавской губернии, от 6 Декабря 1914 года, к А.Г. Шелль в Одессу.

В армии нашей страшная убыль офицеров. Поручики командуют ротами и даже батальонами, в ротах не больше одного офицера, чаще всего прапорщик, а люди без офицера страшно теряются и представляют из себя стадо баранов.

Письма с фронта забытой войны. Предисл. и примеч. *Н.Д. Постников* // Политическое просвещение. 2013, №3(74). С. 135; *РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 561. Л. 491. Перлюстрация. Машинопись.*

№15

Выписка из письма с подписью: «твой Витя», действующая армия, от 10 декабря 1914 года, к полковнику И.И. Сокольскому в Гомель.

В некоторых местах наши окопы подходят к немецким шагов на 150-200, так что буквально нельзя высунуть голову, ибо сейчас же начинают свистеть пули. Наши окопы находятся по одну сторону Бзуры, немецкие – по другую. Мы обороняем мост. Вчера немцы хотели переправиться на нашу сторону, но, подпустив их до половину моста, мы открыли такой адский огонь, что немцы должны были сломя голову бежать. На мосту были навалены буквально горы трупов. Сегодня они опять хотели или переправиться или убрать трупы. Наша артиллерия своим метким огнём в момент очистила мост от красномордых колбасников. Правее нас они во что бы то ни стало хотели переправиться. Бросились в брод по горло в воде, но наши пулемётчики и стрелки не дали им дойти и до половину. После боя, говорят, вода в реке порозовела. Да так и должно быть, так как их тут положено было не менее 5-6 тысяч, и всё это осталось в реке. Что же будет весной и летом, когда всё это начнёт гнить, тем более, что они, чтобы скрыть свои потери, очень часто бросают своих убитых в реки и колодцы, заражая воду. Артиллерия наша стреляет великолепно, способствуя этим подъему духа. Приятно смотреть, когда начинают

стрелять наши Туркестанские артиллеристы. Надо немцам отдать справедливость: стреляют они (артиллеристы) очень хорошо, но до наших им далеко. Посмотрим, как пройдет у нас Рождество. Немцы просили устроить на время их праздников перемирие, но в этом им было отказано. Теперь, думаю, они, обозлившись, в наши праздники не дадут нам покоя.

Письма с фронта забытой войны. Предисл. и примеч. *Н.Д. Постников* // Политическое просвещение. 2013, №3(74). С. 138; *РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 561. Л. 494. Перлюстрация. Машинопись.*

№16

Выписка из письма с подписью: «ваш А.», из действующей армии, 18 декабря 1914 года, к Ея Превосходительству Ксении Михайловне Александровой, в Пензу, Пешая, 51.

(Корпусной врач 6-го Сибирского армейского корпуса).

Последние три недели немцы перли на нас, как лавина. Кайзер потребовал от них, чтобы они во что бы то ни стало взяли Варшаву к Рождеству, и выставил против наших трёх сильно потрепанных в предыдущих боях корпусов армию в семь корпусов. Поэтому шли почти непрерывные атаки немцев на нас. Нас засыпали шрапнелями, громили чемоданами¹ и солили пулемётами, мы сокращались, смыкали строй, но сломить нас пьяным немцам не удалось. Опершись на речку Бзуру и окопавшись, мы приняли все удары и, загородив дорогу на Варшаву, не пустили к ней врага. Немцу пришлось встречать Рождество в окопах, а в ночь под Рождество мы устроили им такой фейерверк, что многим пришлось остаться трупами в своих окопах или и ползком удирать из них. Это был целый ад. Нельзя было даже разобрать отдельных выстрелов орудий и ружейной и пулемётной стрельбы. Всё вокруг уже не гремело, а выло и визжало, земля тряслась, как при землетрясении, а на небе от взрывающихся снарядов стояло вздрагивающее красное зарево. Кто из немцев пережил эту ночь, тот всю жизнь будет помнить её. После этого гостинца немцы совершенно выдохлись, размякли и уже мало беспокоили нас, потеряв желание переходить Бзуру, и только издали за 12 вёрст бросают к нам чемоданы, вырывающие в земле воронки в полторы сажени глубиной и более двух сажени в диаметре по поверхности. Сохачев

---

¹ «Чемодан» - снаряд тяжёлой артиллерии.

качество снарядов – 50 процентов, а, может быть, и больше, не разрывается...¹

*РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 583. Л. 272 – 272об. Перлюстрация.
Машинопись.*

№58

Выписка из письма С. Городецкого, действующая армия, Управление Двинского окружного артиллерийского склада, от 20 января 1915 года, к М.Ф. Лебедевой, в Смоленск.

Сильным артиллерийским огнём немцы думают нас испугать. Такой усиленный обстрел, сопровождаемый частичными атаками, немцы вели в районе д[вора] Боржимова, около которого мы занимали окопы до 14-го января, когда нас сменила другая часть. Несмотря на некоторые преимущества неприятеля, главным образом в числе артиллерийских снарядов, русский штык молодецки делает своё дело, и груды неприятельских тел, всегда разбросанных в местах атак, являются лучшим доказательством справедливости выражения: штык – молодец. Мы уже более, чем уверены, что неприятель делает гигантские усилия, чтобы скорее закончить войну. Отсюда его яростные атаки, всегда нами отбиваемые. В числе пленных немцев за последнее время преобладает публика от 15 до 16 лет. Всё это даёт уверенность, что близок роковой час немцев и что развязка для них будет в высшей степени печальной.

РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 583. Л. 395. Перлюстрация. Машинопись.

№59

Выписка из письма с подписью: «ваша Леля», действующая армия, этапный лазарет Крестовоздвиженской общины, Жирардов, от 22 января 1915 года, к Е.А. Перкатовой, в Белозерск, Новгородской губернии.

Невероятное творится: больных уйма. Вчера ночью привезли 2000 человек. Очень много раненых в голову. Неизвестных 18 человек. Не знаем, кто и откуда они. Принесли только в одних кальсонах. Отморожены пальцы ног и рук. Осталось двое из них, остальные умерли. Умирают как

---

¹ Так в тексте.

кошки: подойдёшь, уже умер, и не знаешь – когда. Хороним в кальсонах, в рубашках в братских могилах по 20-30 в день. Не хватает рук для перевязывания. Истекают кровью. Все в один голос кричат, что белья мало. Все испачканы в земле, не видно ни лица, ни рук, обмотаны в грязные тряпки, чтобы не текла кровь, обгаженные, холодные. Будь проклят этот Вильгельм. Хотя бы холера взяла его.

Неделю тому назад немецкий аэроплан бросил бомбу в наш лазарет. Убило сестру, тяжело ранило доктора и двух солдат, а я опрокинулась со стула и ушибла ногу.

РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 583. Л. 425 Перлюстрация. Машинопись.

№60

Выписка из письма с подписью» «Гута», Варшава, 28 января 1915 года, к Её Прев[осходительст]ву Марцелине Ивановне Тухолка, в Петроград, В[асильевский] О[стров], 17-я линия, 10, кв. 18.

(4-й Евгениевский госпиталь)

Сегодня третий день, как я в этом госпитале. Кошмар! Помещение – бывшая жидовская шёлковая фабрика. Один гигантский зал и в нём не отделённые ничем, ни перегородкой, ни ширмой, 600 человек несчастных, почти все смертельно больных, сумасшедших, столбнячных, бредящих. Сестёр мало (ночью на всю палату оставляют трёх), хирургов нет, доктор-терапевты делают операции неумело, плохо. Каждый день умирает 5-6 человек. Раны ужасные – почти все гангрена, септицемия. Лежат прямо в лужах гноя и крови. Перебинтовать времени не хватает. Операции идут с утра до ночи, перевязки – с 8 часов утра до 11 – 2 ночи. Здешние сёстры грызутся между собой, как собаки. Мы, вновь приехавшие живём, слава Богу, в отдельном доме, не с ними. Все они собираются бежать отсюда. Первый день мне реветь хотелось, и я ревела. Пока меня заткнули помогать операционной сестре в чёрной работе, а главным образом готовить перевязочный материал на весь госпиталь и наблюдать за стерилизацией. Что дальше будет – не знаю. Боюсь ночей: что я, дурище, буду делать, как помочь умирающему? Солевые вливания, камфора ежеминутно, а мы все дуры, все ничего не умеем. Другие хвастают с нахальством, хотя ничего не знают, а я боюсь. Ночью на одну сестру приходится 200 человек – с конца в конец не услышишь, если и зовёт который. Долго держат только обречённых на смерть, которых нельзя везти, других эвакуируют при первой возможности дальше.

Адрес: Варшава, Гроецкая застава, Калишская улица, 60, 4-й Евгениевский госпиталь.

*РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 583. Л. 482-482об. Перлюстрация.
Машинопись.*

№61

Выписка из письма Фортескью (А. Нокса), Варшава, 11 декабря 1914 года, к Е. Вилькоксу, в Петроград. Невский 28.

Перевод с английского¹.

Бой за обладание Бзурой – отчаянная, бесконечная борьба. 4 дня колеблющегося сражения не прекратило дальнейшего давления большей части немецких сил на угол, образуемой Бзурой, Равкой² с Пилицей. Атаки и контратаки не прекращались ни днём, ни ночью. Сверхлюди действительно представляются эти перволинейные солдаты, бросающиеся вперёд и назад при отбитии и атаке. Как на Изере³, немцы, кажется, поставили на карту всё для перехода Бзуры. Подобно тому, как они направляли свой отчаянный удар на Калэ⁴, так теперь они жертвуют дивизией за дивизией при натиске на Варшаву. Под покровом ночи они перебрасывают понтонный мост через реку, но когда их войска появляются на крутых берегах желтоватого ручья, русский оружейный огонь сметает их до тла. Лодки плавучих мостов втаскиваются на берег удалыми русскими. Вдоль очертания рек два ряда параллельных окопов (на одном берегу немецких, а на другом русских) тянутся непрерывно к северу и югу. Из этих окопов солдаты поддерживают почти непрерывающийся огонь день и ночь. К югу от Сохачева русские

---

¹ Ссылка цензора.

² В тексте русского перевода, переводчик допустил ошибку написав «Рава» вместо «Равки». В оригинале письма А. Нокса написана река Равка.

³ А. Нокс имеет в виду «Битву на Изере» (16-31 октября 1914 года) между франко-бельгийскими и германскими войсками.

⁴ Так армейский переводчик перевёл название города Кале. А. Нокс видимо сравнивает ожесточённость боёв на Бзуре и Равке с Фландрским сражением (18.10. - 17.11. 1914), за обладание французскими портами на берегу пролива Паде-Кале (Дуврский пролив).

позволили немцам перейти ночью реку¹, пока 15.000 их не очутилось на восточном берегу. Тогда один из наших корпусов сомкнулся с трёх сторон неприятеля. Окружённая дивизия сражалась с отчаянием осуждённых на смерть, но когда бледный рассвет показался на востоке. 8.000 военнопленных немцев шло уныло по Калишской дороге² по направлению к Варшаве. Берег ручья имел вид скотобойни. Жалкие остатки пробились обратно на немецкую сторону реки.

У русских такая масса резервов, что они могут вводить в боевую линию совершенно свежие войска, когда бы они ни понадобились, и где они могли бы быть использованы с успехом. Россия располагает прекраснейшим материалом для создания солдата, какой я только видел в любой части света. Ничто не может охладить их дух. Нужно провести один день на фронте в эту морозную погоду, чтобы оценить, что переносят люди в окопах. Прибавьте к резкому холоду и сырому ветру усталость от постоянной бдительности, не говоря уже об истощении в бою, и вашему восхищению не будет предела.

Нельзя сказать, что последние дни не были днями тревоги для Варшавы. При каждом новом движении в немецком наступлении, возникает вопрос, как русские собираются встретить его? Новое наступление с юга от Пилицы угрожало нашему левому флангу в течение двух дней, но все сообщения указывают на неудачу немцев. Теперь говорят, что колонны снова показались у Млавы³, это значит, что армия побитая на этом участке на прошлой неделе, вернулась сильно подкреплённая. Это отвлечет северную армию от подачи помощи Варшаве. Судя по численности войск в данный момент, я не понимаю, как вообще можно было бы требовать помощи из-за Вислы. Я не могу прислать своего исчисления сил, которые я видел на фронте, но могу сказать, что если мы сильно не обманываем себя, мы далеко превосходим неприятельские силы⁴. Тем не менее никто не настроен здесь оптимистически.

*РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 561. Л. 465 – 465об. Перлюстрация.
Машинопись.*

---

¹ Имеется в виду река Бзура.

² Имеется в виду шоссе между Калишем и Варшавой.

³ В 1914 под Млавой шли тяжёлые бои.

⁴ Под местоимениями «нашему» и «мы» А. Нокс имеет в виду русскую армию.

Source Records of the Great War, Vol. III, ed. *Charles F. Horne*, National Alumni 1923.

[Электронный ресурс]. Режим доступа:
http://www.firstworldwar.com/source/warsaw1914_fortescue.htm (Дата обращения 31.08.2017).

http://www.firstworldwar.com/source/warsaw1914_fortescue.htm

3. Сражение за Гумин и Волю Шидловскую (18/31 января – 23 января/5 февраля 1915 года)

№63

Выписка из письма с подписью «Витя», из действующей армии, 21 января 1915 года, к капитану Георгию Леонидовичу Шмагайлову, в Варшаву, 1-й Варшавский госпиталь Красного Креста.

Приехал я в крайне тяжёлое время. От нашей дивизии остались жалкие остатки, а от 1-й бригады ничего. Потери исключительно от артиллерийского огня. Огромное количество артиллерии сосредоточило адский огонь. Тяжёлыми снарядами стёрли окопы, а удушливыми и едкими газами сделали сопротивление не возможным. Полки стояли удивительно упорно, отбили несчётное число атак, вернее, сплошную атаку, но ослеплённые были окружены и истреблены. Горько сидеть здесь в бездействии, когда родных полков уже нет. Общее положение хорошее: отобрали Волю Шидловку¹, Боржимов, потери немцев колоссальные, но что будет дальше неизвестно. Идет такой гул, что всё дрожит, а немцы прут, как бешенные, и всё завалено их трупами – наши и стрелять не могут. Вчера положение было крайне тревожное, но подошли резервы и дело поправилось. А мы изображаем парк, обоз, всё, что угодно, но не боевую часть.

«Куда ни взгляни всюду носится призрак смерти». Бои на Бзуре и Равке в фронтовых письмах (декабрь 1914-январь 1915).
Предисл. и примеч. *Н.Д. Постников* // *Международная жизнь*. №8. Август. 2015. С. 182.

---

¹ Правильно: Воля Шидловская.

№65

Выписка из письма профессора Д.Д. Мордухай-Болтовского, Варшава, от 24 января 1915 года, к И.Д. Мордухай-Болтовскому, в Петроград.

Нервность варшавской жизни теперь опять сильно повышенная. На Бзуре происходят очень кровопролитные бои. Раненых масса. Весь крытый двор политехникума¹ ими усеян. Лежат уже не на кроватях, а на аудиторных партах. По коридору стоят носилки с тяжело ранеными, которых прямо негде положить. На лекцию идёшь, слыша со всех сторон стоны. По имеющимся сведениям, в Жирардове находятся ещё 47 тыс[яч] раненых.

РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 583. Л. 416. Перлюстрация. Машинопись.

№66

Выписка из письма профессора Д.Д. Мордухай-Болтовского, Варшава, от 27 января 1915 года, к Его Превосходительству И.Д. Мордухай-Болтовскому, в Петроград.

Страшны не аэропланы и цеппелины, страшна эвакуация. Я уверен, что из-за мест в скотских вагонах будут происходить драки с убийствами. Это можно было наблюдать при бегстве с дач в начале войны...²

Что теперь происходит на Бзуре, в сущности говоря, никому неизвестно. Вскрыть правду в газетных сообщениях очень трудно. Прежде гуляли по Варшаве всевозможные слухи, то слишком дурные, то слишком хорошие. Теперь о войне говорят мало. Оптимисты понизили свой оптимизм, заменяя веру во взятие Берлина, верой в отражение немцев от Варшавы; пессимисты перенесли свой пессимизм из русской территории в немецкую, пугая не возможностью наступления в их идеально технически оборудованной стране. Есть один язык, который, хотя и не вполне ясно, но говорит правду. Это варшавское настроение, пульс варшавской жизни, который бьётся, то сильнее, то слабей. В настоящее время опять повышенная нервозность.

---

¹ Имеется в виду Варшавский политехнический институт, основанный в 1898 году.

² Так в тексте.

Чудовищное количество раненых. В политехникуме ими завалены не только крытый двор, но и коридоры. На лекцию идёшь слышны со всех сторон стоны. Из единственного помещения (математического кабинета), оставленного в нашем распоряжении в Университете, слышны раздирающие крики оперируемых очевидно, без хлороформа, солдат. Механический кабинет завален трупами, их моют в беседке университетского сада, и каждый день по несколько трупов вывозят для погребения. Приезжающие с позиции рассказывают, что на Бзуре происходило нечто не поддающееся описанию. В Жирардове 47000 раненых, т[о] е[сть] их больше, чем населения в Жирардове в обычное время.

*РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 583. Л. 454 – 454об. Перлюстрация.
Машинопись.*

№67

Выписка из письма с подписью: «Сеня», из действующей армии, 25 января 1915 года, к Борису Ивановичу Краснокутскому, в Киев, Большая Владимирская 12, кв. 20.

Вы вероятно часто читаете в газетах «Воля Шидловская», «Гумин». Дорого обошлись нам эти деревни. От полка осталось всего 800 человек, но уже снова всё пополнено. Теперь хоть опять в бой. Меня спасла моя простуда. Впереди предстоят ещё не раз такие бои. 18, 19 и 20 января нельзя было разобрать отдельных выстрелов – сплошной гул на подобие урагана. 100 неприятельских батарей на фронте 3-4 наших полков (10 вёрст) – это 400 орудий. Батарея из 4-х орудий дает в минуту 8-16 выстрелов. Это на 10 вёрст, а на 2 версты (участок полка) 200-300 выстрелов в минуту. окопы были буквально сметены с лица земли. На наш полк, на фронте полторы-две версты шли в атаку густыми колоннами выше дивизии. Небывалый по современным условиям бой, напоминающий Бородино, где шли в бой плечом к плечу, локоть к локтю. Сами судите, каковы должны быть немецкие потери. Полк молодецки выдержал яростный натиск чересчур превосходных полчищ немцев, лезших на смерть, как тучи саранчи, и удерживал позиции два дня, пока к нему уже растаявшему, не подошли свежие силы и упорными штыковыми контратаками не отбили их обратно. Полк в течение войны 4 раза геройски страдал, как теперь, но, несмотря на всё новый и новый состав, старый дух

№68

Выписка из письма И. Честного, Варшава, от 26 января 1915 года, к Е.А. Матвееву, в Нижнедевицк, Воронежской губернии.

Один офицер, приехавший сегодня с позиций, рассказывает, что из Ивангорода привезли несколько крепостных орудий, и наша артиллерия с расстояния в семь вёрст так удачно стреляла, что первыми же выстрелами разбила немецкую батарею. Настроение армии бодрое, такая уверенность в своих силах после отбития последних атак в Боржимове, что не сегодня-завтра следует ожидать наступление по всему фронту.

РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 583. Л. 452. Перлюстрация. Машинопись.

№69

Выписка из письма с подписью: «М.Б.», Варшава, 25 января 1915 года, к Алине Николаевне Ченгери, в Баку, Позеновская, дом Мехтиева.

Перевод с польского¹.

Нельзя не восхищаться выносливостью, боевым духом и энергией кавказских войск. Эти прекрасные подвиги их внесут славную страницу в историю русской армии. Мы здесь по разным причинам должны выждать некоторое время, а потом начнётся ужасная сумятица: когда немцев сдвинут, то будут гнать их немилосердно. Беда лишь в том, что после ограбления края нельзя будет их гнать так быстро, как могли бы передвигаться войска, так как придётся поджидать подвоза боевых и съестных припасов. В настоящее время немцы здесь бьют лбом и разбивают его о наши окопы и неутомимые полки, желают угодить Виллюсю² и непременно взять Варшаву. Это им дорого стоит: лишь к югу от Сохачева они потеряли не менее 50000 человек.

РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 583. Л. 460. Перлюстрация. Машинопись.

---

¹ Пометка цензора.

² Уничжительное имя германского императора Вильгельма II.

№79

Выписка из письма с подписью: «Вася», из действующей армии, 26 января 1915 года, к мичману Алексею Васильевичу Алексееву, в Севастополь, крейсер «Кагул».

(Командир 6-й роты 50-го Сибирского стрелкового полка¹).

20-го января рано утром нам стало известно, что в 11 ч[асов] будет наступление; настроение великолепное, по диспозиции наступление должно было вестись всем фронтом. Наш полк занимал центр левого фланга общей линии. Наконец, по цепи стали передавать: «приготовиться к атаке». Словно электрический ток прошёл через нас; кто стал поправлять амуницию, кто, сняв папаху, набожно крестился, невольно чувствовалось приближение великой минуты; но вот по цепи летит уже новое приказание «вперёд»; перекрестившись выскакивают из окопов со словами: «Братцы! В атаку вперёд». Словно муравьи, люди стали выпрыгивать из окопов, держа равнение направо, двинулись в штыки, глядя лицом в глаза смерти. Вначале нам повезло, ибо прошли шагов двести незамеченными (бой вёлся в лесу), но затем случилось какое-то замешательство и, дабы поддержать упавший² дух, пришлось крикнуть: «ура», мы все продвигались вперёд, не обращая внимания на пули. Подойдя шагов на 30-40, случилось прямо-таки несчастье. Все наступающие бросились на землю. Наши усилия (офицеров), поднять неожиданно свалившуюся на землю цепь, остались безуспешными. «Братцы, подтянись», «Ура», не привели цепь в движение. В это время огонь достиг наивысшего напряжения, пулемёт немецкий работал во всю, сея смерть направо и налево. Здесь только не страх охватил меня, а досада; слёзы появились на глазах. Ведь близко был противник. Все усилия поднять стрелков, словно волны, разбились о берег. От крика охрип, только жестами мог работать. Сколько времени прошло – не знаю; может быть, и час, а может быть, и несколько минут, но помню только, как все наступавшие бросились обратно. Увидя это руки повисли, словно плети. Спасти атаку не было возможности. Крики «стой», были пустыми звуками. Повернувшись к убегающим, я увидел только офицеров на одной линии с собою. Здесь впервые явилась мысль о самосохранении и, дабы не достаться живым в руки противника, пришлось и нам, офицерам, следовать за убегающими. Эту картину не забуду по гроб. Люди валились со всех сторон. Стон раненых, их крики: «Братцы, не оставляйте, помогите», визг пуль, всё это сделало прямо таки ад; хотелось раненым

---

¹ В письме описывается атака 50-го Сибирского стрелкового полка на Волю Шидловскую.

² Так в тексте.

помочь, да разве можно было это сделать? Если бы валялось два, три человека, а здесь ведь лежали сотни. Очутился я в старых окопах с небольшою группой людей. Необходимо было принять все меры против контратаки. Только тогда пришёл в себя, когда всё утихло. Разбирая случившееся, я едва сдерживал слёзы; страшно жаль было утерянному. К вечеру потери выяснились: убыло девять офицеров (как раз половина того, что имел (полк – *Н.П.*) после второго укомплектования), из них четверо убито и пять ранено. Нижних чинов выбыло из строя свыше 1000 человек. Очень много людей осталось на поле сражения. Правда, спустя час, от каждой роты были высланы люди за ранеными, но немцы снова открыли сильный огонь – пришлось уйти. Многих, вероятно, подобрала германцы, участь же других, во всяком случае, печальна.

Вот и снова, вместо одиннадцати рот, осталось семь и то неполных. У меня в роте осталось 100 человек и то потому, что я в атаку шёл с полуротой (другая полурота находилась в распоряжении другого полка, составляя резерв батальона), многие учувствовавшие в атаке роты вернулись меньше, чем в половинном составе; вследствие таких потерь, из двух, трёх рот составляли одну.

«Этот бой напоминал Бородинское сражение».
Бои на Равке в письмах с фронта (декабрь 1914 – январь 1915).
Предисл. и примеч. *Н.Д. Постников* //
«Вестник Московского государственного областного университета».
Серия «История и политические науки. 2014. № 4. С. 16-17.

№80

Выписка из письма Гордеева, действующая армия, от 26 января 1915 года, к О.В. Гордеевой, в Петроград.

Полки наши, вместо 2000 чел[овек], стали в 1000 и 700 человек. Мы находимся в самом опасном месте – в Боржимове. Боржимов, Воля Шидловская – вот где разбиваются наши силы. Мы три раза атаковали, но неудачно. Уложили 4000 человек. Конечно, без неудач войны быть не может. В 20-м полку осталось 11 чел[овек]. Ничего не поделаешь: нам приказали атаковать, и мы исполнили волю. Сейчас слышу канонаду трёх пулемётов. Там на позиции идёт бой. Там герои по 5-7 дней сидят в окопах, там не спят, там холодно, там пищу подвозят только ночью. Правда, из писем, отбираемых у пленных, узнаешь, что и немцам достается: у них много обмороженных, убитых. Но этих зверей не жалко. Они, негодяи, хотят нас обливать серной кислотой - уже придумали аппараты. Что они выдохлись – это факт. Идя в атаку, они не доходят до

***

26 декабря, когда немцы строили настилы, чтобы форсировать Равку, они думали, что делали это не заметно. Но русские перед каждым таким настилом через реку спрятали в укрытии пулемёт. Ничем не выдавая своего присутствия русские терпеливо ждали, когда немцы начнут переправу.

И вот первый немец появился на берегу реки. Он низко согнулся в своём длинном сером плаще. Вступив на доски настила, он быстро пошёл вперёд с опущенной головой, словно пытаясь уменьшить свою фигуру, так что можно было видеть только его шлем и плечи. Вслед за первым немцем появился второй. Сгорбившись, как и предыдущий немец, он тоже быстро двинулся вперёд, как животное, которое хочет казаться крошечным. Потом вышел третий...

Пулемёты молчали. И, наконец, когда первый из них вступил на наш берег, а 15 других ещё шли по настилу, вдруг «заговорил» пулемёт, и звук стреляющего пулемёта был словно музыка. Через 10 секунд бегущие немцы были скошены пулемётным огнём. Их тела падая в реку, то исчезали на время, то вновь всплывали и тогда в тёмной воде Равки были видны медленно плывущие трупы. Некоторые тела ещё схватывали предсмертные судороги, другие будто поражённые молнией были недвижимы и их уносило течение реки. В это мгновение появились новые вражеские солдаты, но их постигла та же участь, и река наполнилась мёртвыми телами, которые качались на волнах и крутились в воде, а потом их уносило течение.

Тогда же четырём ротам наших храбрых сибирских полков была поставлена задача: ночью уничтожить настилы. Сапёры прикрепив к ремням топоры и лопаты, так, чтобы они не гремели, с винтовками в руках, без единого звука, тихо ступая во мраке ночи, двинулись к краю нашего высокого берега. На другой стороне реки было темно. Стояла мёртвая тишина. Тем не менее было понятно, что пространство перед нашими окопами полно скрытой жизни, что впереди вооружённый враг. Неужели он заметил отряд? Потому что в этот момент страшно шумя в небо взмыла осветительная ракета, оставив за собой длинный огненный след. В то же мгновенье сибиряки бросились на землю и замерли, их невидно...

Ракета вспыхнула ярким светом и медленно опускаясь, озарила всё вокруг. Из темноты появились река, её берега, деревья. Всё выглядело неподвижным, всё казалось мёртвым. Ракета внезапно погасла, наша передовая молчала... Конечно, противник подозревал что-то, потому что до нас долетел звук заряжаемых винтовок. И тут же зазвучали выстрелы, засвистели пули. Пули попадали в деревья, расщепляя стволы старых

сосен, рикошета во все стороны с отвратительным визгом. А небеса прислали свой подарок. Сверху посыпались снаряды и стали рваться за нашими спинами. Через десять минут всё стихло.

Из уст в уста шепотом передали приказ командира, двигаться вперёд. Мы не слышали его команду, но когда все уже поняли, что пришло время атаковать, он побежал вдоль цепи. Как тени, которые спускаются в ад, сибиряки скользнули вниз по склону, к реке, достигнув кромки воды. Добровольцы ползком двинулись к мосту. Прошло несколько тревожных минут, в течение которых был слышен только плеск воды. Неожиданно в этой всепоглощающей, давящей тишине, раздались удары топоров. Сапёры разрушали мост.

В тоже мгновение сибиряки открыли огонь по неприятельскому берегу. Не нужно много времени, чтобы выстрелить из ракетницы. Немецкие осветительные ракеты взмыли в небо, вспыхнули и осветили реку и её берега. И мы увидели немцев, которые бежали к уже разбитым настилам. Но как только они добежали до них, пули наших бойцов настигли немцев. Больше нет ни темноты, ни тишины. Ракеты освещают всё вокруг, стоит грохот-концерт оружейной стрельбы и пулемётного огня. Не думая об опасности, наши сибиряки, разрушают настилы, заканчивая свою работу. Немцы не уступают им в храбрости. Они смело бегут к реке, бросают ручные гранаты. Это необычный бой. Как на широкой и длинной театральной сцене бой разворачивается в свете ракет, которые высвечивают весь ужас битвы.

Приказ выполнен, но наши не могут отступить под огнём противника, потому что не смогут отстреливаться, когда будут подниматься по крутому берегу реки, по которому недавно спускались. Раздаётся команда: «в штыки». Никто не замешкался. Сибиряки бросились в воду. Вражеский берег в одно мгновение покрывается немцами, которые бегут из леса навстречу нашим. Начался рукопашный бой. Он идёт даже на середине реки. Люди схватились друг с другом, смешались в мерцающем свете ракет, в бурлящем потоке ледяной воды. Этот бой станет легендой. Блестит оружие, над головами видны приклады, которые то и дело взлетают и падают вниз. И если, случайно, осветительные ракеты на мгновение переставали освещать поле боя, то в темноте только и были слышны звуки, которые себе даже невозможно представить. Слышны были удары, одни глухие, другие звонкие, стоны, крики, вопли, плеск воды...

На рассвете, наконец-то, этот трагический и одновременно необычный бой закончился. Немцы вернулись на свой берег, в свои окопы, сибиряки вернулись на свою позицию. Настилы разрушены.

Как только солнце встало, оно осветило реку. На водной глади Равки не было видно ничего, кроме плавающих трупов. Одни из них были вытянутые, другие сгорбленные. Мёртвые тела наплывали друг на друга,

День клонился к вечеру, и мало по малу стрельба начала стихать, и начало, видимо, наступать затишье. Настала зловещая тишина. Это было затишье перед бурей.

Бойницы были повреждены, блиндажи разрушены и наши «незаметные серые герои», пользуясь временным затишьем, на скорую руку чинили их. Хоть бы немного поправить! Ведь всё равно завтра немец снова будет продолжать свою спокойную и верную «игру»! Это знали все мы, и подбадривая насколько возможно своих солдат, ждали того или иного конца, не думали ни о чём! Все мысли как бы ступшевались, ушли куда-то далеко. У всех было на уме одно: выполнить своё дело, довести его до конца и не дать неприятелю ворваться в наши окопы. Медленно надвигалась ночь, думалось, что никогда она не настанет, а только всё будет один туман. Уставшие и измученные, мы и солдаты желали хоть на минуту сомкнуть уставшие веки и немного заснуть, но сон не приходил. Откуда-то со стороны слышатся глухие жалобные стоны, прося помощи, прося хоть каплю воды. Стоны надрывают душу. Это раненые просили пить и помощи. Санитары и солдаты быстро, пользуясь темнотой, подобрали раненых и убитых. Ночь настала и, наконец, мы вместе со своими солдатами кое-как на минуту забылись тяжёлым кошмарным сном, поставив часовых на наблюдательных пунктах.

Наступило 17-е января!

Ночь на 17-е прошла спокойно. Думалось, что на сегодня хотя бы немцы оставят нас в покое, но мы ошиблись. ...¹ В 7 ½ часов утра раздался первый выстрел из неприятельского орудия, не предвещавший ничего хорошего и, прорезав воздух над нашими окопами, разорвалась шрапнель. «Вот вспыхнуло утро, и выстрел раздался»², почему-то невольно пришли на ум эти слова.

«Началось, – пронеслось по рядам солдат, – сегодня, опять, братцы будет дело». Выстрелы стали учащаться, безумно грохотали неприятельские орудия, враг не жалел снарядов, и по-видимому, поставил себе целью разрушить до основания наши окопы и выбить нас, ворвавшись в них. Солдаты воодушевились, и мы офицеры, проходя по своим взводам, одобряли солдат не терять присутствия духа, хотя по лицу каждого из нас было заметно, что рано или поздно должно совершиться что-то страшное. Солдаты молились Богу, многие плакали, прося своих товарищей не оставлять их у врагов, а отнеся в свои окопы или в окопы чужой роты, похоронить по-христиански, если будут убиты, а раненых снести на

---

¹ Так в тексте.

² Начальные слова популярной в годы Первой мировой войны солдатской песни. За основу солдатской песни взяты слова и музыка романса «Чайка». Автор слов солдатской песни неизвестен, музыка *Е.Ю. Жураковского*.

перевязочный пункт. Жуткое впечатление производило все это, действуя на нервы – самому хотелось плакать и утешить каждого из них.

Выстрелы не прекращались ни на минуту. Бруствера окопов редели, и мёрзлая земля вместе с мешками сыпались вниз. Наша землянка от близкого разрыва снаряда осела и после вторичного разрыва неприятельского снаряда немедленно была должна рухнуть и одно спасение было – вылезти и сесть в ходе сообщения.

Солдаты, близко прижавшись друг к другу, сидели возле нас, некоторые отползли дальше, думая этим спастись. Канонада усиливалась. Слышно, как летит «чемодан» и, перелетев на другую сторону окопа, разорвался в пяти шагах. Около меня кто-то застонал, я оглянулся и увидел подпрапорщика 9-й роты Юшкевича. Осколок снаряда попал ему в голову, а другой осколок раздробил ногу. Его унесли. Наступила жуткая минута. ...¹ Скрыться некуда, выстрелы чаще и разрывы ближе и ближе, будет что будет. Погибнуть на поле брани с сознанием, что мы не отступили перед натиском «культурных варваров» – не страшно нам! Смерть за святое дело и Родину легка! Все ждали только смерти. Солдаты собрались в кучу и прижались друг к другу. Где-то далеко над окопами неприятеля разорвался снаряд, и вслед за этим туда была послана очередь новых снарядов нашей артиллерией. На минуту замолчали неприятельские батареи, а потом снова с ещё большей яростью принялась за свою «адскую работу».

Наша артиллерия открыла убийственный огонь по неприятельской батарее, заставив её замолчать. Неприятель сделал антракт на несколько минут, а потом снова с большей яростью, с большим упорством начал свою бешеную игру, решив во что бы то ни стало разрушить наши окопы, развиг адский огонь.

Некуда скрыться! Бойницы мало по малу редели, и скоро ничего не должно остаться от них, кроме ровного места, и тогда уже беспрепятственно, не встреченные ни одним выстрелом с нашей стороны, немцы ворвутся в наши окопы, свободно заняв их. Но не так-то легко отдадут юрьевцы свою жизнь немцам. В устах было: «Положить свою жизнь за Веру, Царя и Отечество со славой». У всех была вера, что враг не возьмет без боя наши окопы, и мы не подпустим их к себе, не встретив выстрелами. Как бы ни было трудно, какая бы не чувствовалась опасность и гибель, солдаты даром не продадут своего «насиженного гнезда», и вряд ли кто из нас мог подумать, что немцам трудно будет взять наши окопы, когда уже стало ясно, что борьба дальше бесполезна.

Много всего видели наши солдаты за время этой войны и никогда, даже в самую последнюю минуту, стоя лицом со смертью², не теряли надежды

---

¹ Так в тексте.

² Так в тексте.

на то, что они удержат свою позицию, какие бы не были потери с нашей стороны, надеясь, что со стороны [противника] их будет ещё больше.

Юрьевский полк никогда не был последним в боях и выходил победителем из борьбы, и даже наш враг называл его «железным полком».

17-го января я был контужен снарядом в голову и вышел из строя. Те, кто был в эти дни под Гумином, вряд ли забудет их и едва ли кто найдется из солдат и офицеров Железного Юрьевского полка, кто без боя отдаст свои окопы в руки врагов. Имена славных юрьевцев будут написаны золотыми буквами на страницах 2-й Великой Отечественной войны!

Прапорщик 98-го Юрьевского полка *А. Валенков*.

«Те, кто был под Гуминым, вряд ли забудет их».

Русские офицеры 97-го Лифляндского и 98-го Юрьевского полков о сражении 18-21 января 1915 г. Предисл. и примеч. *Н.Д. Постников* // Исторический архив. 2014. №3. С. 45-47; *РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 35638. Л. 47об.*

№ 9.

Воспоминания командира пулеметной команды 98-го Юрьевского полка поручика Малкова.

[Начало 1915 г.]

О Гумине.

Полк наш 14-го янв[аря] заступил на позицию у Гумина. Перед выступлением полка в деревне Гузов я получил приказания от командующего полком подполковника Вагеля поставить на позицию четыре пулемёта, и с тремя пулемётами и со всеми двуколками быть при штабе полка; с рассветом же пулемёты поставить у полкового резерва, а двуколки где удобнее.

Когда стемнелось, полк двинулся на позицию у деревни Гумин. Дойдя до фольварка Червонна Нива, два взвода перешли на катки, и пошли с батальонами. Я с тремя пулемётами и со всеми двуколками отправился в деревню Воля-Медведовская¹ к штабу полка. Утром 15-го янв[аря] выехал

---

¹ Автор неправильно дал название деревни. Правильно: Воля Медневская.

до Доловатки». Несмотря на строгий приказ командования, запрещавший общение с противником, в эти дни можно было видеть настоящее «братание на линии окопов». Стрельба с обеих сторон прекращалась и одновременно как из немецких, так и из русских окопов выходили солдаты, которые дружески пожимали друг другу руки, менялись листовками и подарками. Это братание имело для нас самые горькие последствия, ибо тогда по глупости солдаты рассказали противнику о нашем запланированном штурме. Эффект неожиданности наш единственный козырь пропал.

31 января в 7 часов 30 минут утра без артиллерийской подготовки, в полном молчании, без крика «Ура» батальон старшего лейтенанта Дёрена пошёл в атаку, но она не увенчалась успехом. Понеся большие потери 3-я, 4-я, 5-я и 7-я роты достигли вражеского окопа. Его защитники были захвачены в плен и отправлены в тыл. Наши солдаты закрепились на отбитой позиции. Но русские быстро преодолели охватившее их замешательство и стали окружать засевшие в окопе роты батальона старшего лейтенанта Дёрена. Атака 140-го пехотного полка наступавшего слева от нашего полка была отбита. С соседями справа не было никакой связи. Начался кровавый бой по всей линии захваченной траншеи. В бою русские использовали против нас неизвестные ещё в нашем полку ручные гранаты, которые привели к большим потерям. Защитники окопа были окружены. Не имея поддержки они с нетерпением ждали вечера, надеясь, что с наступлением темноты атаки прекратятся. В течение всего дня длился ожесточённый бой. Храбрая группа защитников становилась всё меньше, и в конце концов смогла удержать под командованием старшего лейтенанта Дёрена только пространство между тремя боковыми окопами. Около 6 часов вечера закончились патроны. Русские пошли в решающую атаку. Чтобы не попасть в плен старший лейтенант Дёрен приказал оставить русский окоп. Вместе с оставшимися в живых 15-ю солдатами он отступил на исходные позиции, с которых утром была начата атака. При отступлении Дёрен был ранен в бедро.

Лейтенант резерва Айзерман вспоминал в своём военном дневнике об атаке 31 января 1915 года: «Для нашего полка как и для многих других частей это воскресенье стало самым ужасным. Штурм вражеских окопов! В штурмовых траншеях 1-й, 2-й и 3-й линий приготовившиеся к атаке солдаты стояли плечом к плечу, готовые штурмовать русские позиции, чтобы хотя бы ещё на шаг приблизиться к Варшаве. В 7 часов 28 минут утра должна была начаться атака, которая стала прологом безудержной поступи смерти. Атака без единого выстрела артподготовки по русским передовым окопам! Ибо наша артиллерия в это мгновение открыла огонь по тыловым русским позициям, чтобы не допустить возможности подхода русских резервов. Утро всходило бледным рассветом. Я со своей ротой

находился в третьей линии траншей, и оттуда рота должна была подняться в атаку. Все части должны были одновременно пойти на штурм.

В окопе стояли застывшие от ночного мороза солдаты, крепко сжимая винтовки в своих руках. Согласно приказу они не могли ни двигаться, ни тем более стрелять. “Примкнуть штыки”, - тихо раздалась команда. Потом: “Приготовиться к атаке!” Все хладнокровно ждали приказа броситься вперёд. Многим из нас в то мгновение оставалось жить минуты и секунды в этом мире! В 7 часов 18 минут утра разом со всех сторон раздались громкие офицерские свистки – это был условный сигнал. Без промедления все бросились вперёд. И в это же мгновение пространство вокруг нас наполнилось жужжанием и свистом летящих пулемётных и ружейных пуль. Это не были одиночные выстрелы боевого охранения, это был шквальный, беспрестанный огонь из вражеских траншей, такой плотности, что остроконечные пули летели градом, ударяя в землю, в стенки окопа, поднимая фонтаны снега и пронзая крепкое человеческое тело. И может быть с военной точки зрения эта атака выглядела сокрушительной и безупречной, но для шедших под пули людей эти минуты были ужасными. Раненые покрыли всё поле боя, везде гибла немецкая молодёжь. Русские несомненно были предупреждены о нашем штурме и были готовы открыть огонь. Но несмотря на это, группе атакующих удалось преодолеть расстояние от своих окопов и ворваться в русскую траншею, захватив её часть. Однако наши люди смогли удержаться в траншее совсем недолго и были вынуждены отступить.

Я уже впрыгнул в траншею первой линии, когда ружейная пуля пробила насквозь мой ранец и отстрелила моему связному Хеннигу кончик носа. В этот момент наша атака была прекращена по всему фронту, потому что стала бессмысленной. Наши отважные солдаты убитые и раненые сотнями лежали перед нашими окопами и позади них. <...> В нашем самом передовом окопе собрались все кто уцелел. Окоп был переполнен людьми. Если бы в этот момент по окопу открыла бы огонь русская артиллерия, то этот обстрел обернулся бы для нас ужасным побоищем! К счастью у русской артиллерии было достаточно работы справа и слева от нас, где немецкие войска добились большего успеха, чем мы.

В отчаянном положении оказались раненые. Из переполненных окопов их было невозможно вынести ни вперёд, ни в тыл, и раненые должны были просто лежать без всякой врачебной помощи. Только для одного своего раненого товарища, чего я никогда не забуду, солдаты сделали всё возможное. Этот солдат потерял оба глаза в результате попадания в лицо ружейной пули. Кровь текла по его лицу из обеих глазниц, как жгучие слёзы. Слеплённый винтовочной пулей! Один из солдат сопровождал этого несчастного в тыл. Мужественные воины находившиеся в окопе, несмотря на тесноту и всю тяжесть положения, с почтительным молчанием

раступились, сделав для них узкий проход. Проход для слепого, который теперь никогда не увидит золотой свет солнца!

Дикий шум битвы постепенно затихал. Треск пулемётного огня и винтовочных выстрелов прекратился, раскалённые стволы замолкших орудий остывали на холодном январском воздухе. Мы, немногие оставшиеся офицеры, принялись наводить порядок в переполненной передовой траншее, в которой были перемешаны все роты и батальоны. Задача практически невыполнимая.

Около полудня бой вспыхнул вновь. Вражеские снаряды летели с диким воем над нами, и пулемёты сибирских полков¹ сыпали, как сумасшедшие огненный дождь смертельного свинца из своих раскалённых стволов. Высоко над нами множество снарядов чертило в воздухе свой ужасный смертельный след. Что случилось? Я посмотрел в бинокль назад - на Болимов, который лежал в нескольких милях позади нас. Невероятно растянутые цепи немецких частей выходили из укрытий и низины, тянувшейся вдоль берега Равки. Одна за другой. Офицеры с обнажёнными саблями шли впереди, указывая кровавый путь, ибо весь этот дождь из железа и стали, падавший с неба, был предназначен для них. Это было захватывающее зрелище, зрелище дававшее возможность увидеть храбрых, идущих на смерть солдат. Издали было отчётливо видно, как безжалостно летящие пули и падающие снаряды вырывали из строя целые шеренги немецкой молодёжи. Но никто из солдат и офицеров не дрогнул и не остановился. Они “продолжали идти на штурм, сквозь стену рвущихся снарядов, пока ненасытная смерть не находила путь к их сердцам”.

В тот момент мне пришла в голову строка из приказа об атаке русских позиций, которой до этого я не придавал особого значения: “врагу надо показать, что такое германская армия”. Атакуя из глубины, со второй и третьей линии траншей, мы должны были показать врагу нашу неустранимость и силу германского духа. Мы наступали по открытому пространству, а могли ведь использовать межтраншейные проходы, которые защитили бы нас от неприятельского огня. “Для чего нужно было это бессмысленное убийство!” – подумал тогда я. И только много позже я понял весь смысл и важность этой строки военного приказа. В те же дни Гинденбург вёл свою армию в Мазурских лесах, сквозь снег, через лёд, на исходный рубеж, готовя армию к зимней битве на Мазурских озёрах. А в Карпатах началось контрнаступление немцев и австро-венгров с целью освобождения этих земель от русских войск. Русская армия, которая до этого времени стояла перед нами на Равке, защищала подходы к крепостным укреплениям Варшавы и поэтому русское командование не рассматривало возможность переброски войск с этого направления на

---

¹ Автор воспоминаний ошибается. 49-й пехотный полк немецкой армии атаковал позиции 98-го пехотного Юрьевского полка.

Расстояние от батареи до первой русской траншеи было четыре с половиной километра. Корректировщик огня отдал распоряжение начать пристрелку с 4700 метров. <...> Каждый снаряд падал там, где намечал корректировщик. “4550 метров”, - отдал он распоряжение по телефону для следующего выстрела. С булькающим звуком снаряд калибра 15 сантиметров пролетел низко над нашими головами и взорвался за русскими траншеями. Осколки засвистели у наших ушей. Иначе и не могло быть, потому что в бою требуется учитывать такую опасность, если вы хотите, чтобы “сестра-артиллерия” помогла вам. “4530”, - назвал дистанцию корректировщик. Снаряд упал ещё ближе к русской траншее. После этого выстрела корректировщик не хотел передавать на батарею ещё более близкое расстояние. Слишком велика была опасность, что снаряд попадёт в пехоту, то есть в нас. Я попросил корректировщика, что бы он передал на батарею координаты в 4500 метров, но он отказывался. Тогда я пошёл к командиру батальона, просить его разрешения. По моей настоятельной просьбе командир батальона дал такое разрешение. Если бы я не настоял на своей просьбе, то артиллерийская подготовка как и днём ранее снова бы не достигла своей цели и назначенный штурм без всякого сомнения провалился бы вновь. Итак корректировщик отдал команду: “Следующий выстрел - дистанция 4500”. Снаряд взорвался прямо у русского окопа, то есть между нашей и вражеской траншеями. Грязь и куски железа долетели до нашей траншеи ударяя по её стенам. В это же время и другие батареи слева и справа от нас открыли огонь по вражеским позициям, а бомбомёты обрабатывали своими смертоносными снарядами неприятельский окоп на фланге, где стояли пулемёты, из-за огня которых вчера мы понесли такие огромные потери. Наша батарея вновь выстрелила на дистанцию “4500”. Снаряд взорвался позади русского окопа. Такое попадание было нормальным, потому что при обстреле приходилось считаться с небольшим разлётом снарядов.

Пристрелявшись батарея начала методично усиливать свой огонь. “Попадание!”, - и части человеческих тел, винтовок, брёвен от укреплений взлетели высоко в воздух. “Продолжать огонь”, - передавал команду по телефону корректировщик. Снаряды падали один за другим. Эти посланцы смерти неслись с дикой скоростью, искали и находили в окопе на другой стороне свои жертвы. Для нас это был впечатляющее и одновременно вселяющее ужас зрелище. Русские окопы лежали перед нами покрытые облаками пыли и земли. Оттуда раздавались только одиночные выстрелы смелых бойцов. Часть (русских – Н.П.) солдат пробовала отползти в тыл по дренажным канавам, чтобы сохранить свои несчастные жизни. Странно, но на нашем участке русские не предпринимали никаких попыток подтянуть резервы из тыла. Возможно причиной этого была болотистая местность. Тогда наш унтер-офицер Ладентиш установил пулемёт вдоль дренажной канавы и открыл огонь. Все кто пытался спастись, отступая по канаве,

гибли от пулемётного огня. Вскоре русские выставили на палке ткань, которая когда-то была белой. Сдаваться? Извините! Никакой пощады! Кровавая месть за несчастных жертв погибших вчера. “Ещё полчаса сильного огня для полной уверенности”, - прозвучал краткий приказ. Некоторые русские солдаты уже выходили из окопов.

Напротив нашего участка противник уже не стрелял, время от времени выстрелы слышались только с флангов. На неприятельской позиции перед нами русские видимо лежали глубоко на дне своей траншеи, пытаясь спастись от смертельных осколков, стеная в страхе за свою жизнь. В конце концов у них уже больше не было сил терпеть этот божий суд из стали и свинца. Они выбегали к нам, сдаваясь, поодиночке. Вскоре русские стали сдаваться целыми группами с высоко поднятыми руками. Они выглядели как обезумевшие, более упавших духом людей я не видел до того дня. наших же солдат уже нельзя было удержать. Со штыками наперевес, без приказа они бросились в атаку, чтобы отомстить за своих товарищей павших вчера. Кто из русских не сложил оружия, поплатился жизнью.

Наша артиллерия начала стрелять снарядами начинёнными газом (Т – снарядами). Стреляли Т-снарядами последние десять минут артиллерийского обстрела. Наш корректировщик огня отдал команду своей батарее прекратить огонь, но другие батареи продолжали стрелять, потому что у них не было своего корректировщика огня на передовой. Я быстро отправил в тыл двух пленных русских офицеров и бросился вперёд за своими людьми, под огонь нашей артиллерии. Слева вновь открыл фланговый огонь вражеский пулемёт. Солдат слева от меня, старый ландштурмист, который только что поднялся со мной из окопа, упал замертво. Пуля попала ему в сердце.

В передовой русской траншее лежало множество трупов немецких и русских солдат, погибших в позавчерашнем бою. Штурмующая цепь прошла над ней и двинулась ко второй русской траншее. Этот порыв был радостным ощущением движения после стольких недель нахождения в сыром и грязном пехотном окопе, где мы не могли ничего делать, кроме как капаться в земле, нести караульную службу и прятаться при артиллерийском налёте. Если вы спросите пехотинцев, что для них самое ужасное, они ответят: лежать неподвижно, пряча голову; и, не имея возможности укрыться, ждать смерти. И совсем другое дело лихо, бездумно, бежать на встречу смерти, крепко ухватив этого дикого кровавого упыря – смерть за горло, и биться с настоящим врагом. Этот миг как капля счастья в бурлящем котле ведьм. Вздохни полной грудью и вперёд на врага!

Причинял нам урон только газ из снарядов, потому что артиллерия продолжала стрелять по нам, не зная, что мы уже пошли в атаку. Я посылал в тыл одного связного за другим с устными и письменными донесениями, в которых просил прекратить нас обстреливать и перенести

Научное издание

БОИ НА БЗУРЕ И РАВКЕ (ноябрь 1914 – январь 1915 года)

**Перлюстрированные письма,
воспоминания,
фронтовые корреспонденции**

Корректурa авторская

Подписано в печать: 12.01.2018 г.
Бумага офсетная. Гарнитура «Times New Roman».
Печать офсетная. Формат бумаги 60×84/16.
Усл. п. л. 15, уч.-изд. л. 13,25.
Тираж 500 экз. (1-й з-д 1–50). Заказ № 1/П.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в Информационно-издательском управлении МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А,
(495) 780-09-42 (доб. 1740), iiu@mgou.ru